

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

A Course in Christian Mysticism

Thirteen Sessions
with the Famous Trappist Monk

Thomas Merton

Edited by
Jon M. Sweeney

Foreword by
Michael N. McGregor

LITURGICAL PRESS
Collegeville, Minnesota

www.litpress.org

Серия «Современное богословие»

ТОМАС МЕРТОН

ХРИСТИАНСКАЯ МИСТИКА

Тринадцать лекций
монаха-трапписта

Под редакцией Джона М. Суини

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 281.93-96 / 291.71
М 526

Перевод: Михаил Толстолуженко

Данный перевод книги Томаса Мертона *A Course in Christian
Mysticism. Thirteen Sessions with the Famous Trappist Monk*
публикуется с согласия *Liturgical Press, Minnesota*

*This book was originally published in English by Liturgical Press, Saint John's
Abbey, Collegeville, Minnesota 56321, USA, and is published in this edition by
license of Liturgical Press. All rights reserved.*

Мертон Томас

Христианская мистика. Тринадцать лекций монаха-трапписта /
Пер. с англ. (Серия «Современное богословие»). – М.: Изда-
тельство ББИ, 2020. – xx + 268 с.

ISBN 978-5-89647-388-6

Собранные в этой книге лекции известного духовного наставни-
ка, писателя, поэта, мистика Томаса Мертона представляют со-
бой прекрасное введение в христианскую мистическую тради-
цию. Мертон рассматривает истоки христианской мистики и ее
развитие в восточном и западном христианстве. Но это не только
блестящее интеллектуальное исследование мистических текстов:
никто не сделал больше, чем Мертон, для того, чтобы дары мо-
нашеской жизни, в том числе созерцательная молитва, стали до-
ступны и тем, кто живет вне монастырских стен.

Верстка: Татьяна Дурнова

Обложка: Элла Раскина

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети
интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

© Merton Legacy Trust, 2017

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2020
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	vii
Предисловие редактора.....	xi
Введение.....	xix
Лекция 1: Цель этого курса	1
Лекция 2: Мистическое богословие в Евангелии св. Иоанна.....	14
Лекция 3: Мученики и гностики (Игнатий, Иринея, Климент и Ориген)	23
Лекция 4: Обожение и мистицизм (каппадокийские отцы)	45
Лекция 5: Евагрий Понтийский	65
Лекция 6: Созерцание и космос (Максим Исповедник).....	83
Лекция 7: Дионисиева традиция	93
Лекция 8: Западный мистицизм: влияние св. Августина	103
Лекция 9: Св. Бернард Клервоский	116
Лекция 10: Проповеди св. Бернарда на Песнь песней.....	139
Лекция 11: Мистицизм четырнадцатого века: бегинки, Экхарт, Таулер.....	165
Лекция 12: Испанский мистицизм: св. Тереза Авильская и другие.....	188

Лекция 13: Св. Иоанн Креста: темная ночь и духовные кризисы.....	214
Дополнительные источники и цитаты	242
Темы и вопросы для обсуждения в группах.....	252
Пояснения редактора.....	263
Указатель.....	265

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда редактор этой книги, Джон М. Суини, попросил меня написать к ней предисловие, я прежде всего подумал, что недостойн писать о Томасе Мертоне и мистицизме. И это чувство только усиливалось по мере того, как я читал представленные здесь тринадцать лекций, в которых в полной мере проявляется сила его ума и гибкое применение иногда принципиально отличающихся богословских подходов. Меня обнадеживало ощущение, что начинающие монахи, которым изначально были адресованы эти лекции, были не меньше меня озадачены некоторыми из наиболее эзотерических мертоновских идей и выводов, а наряду с этим – ощущение простоты, лежащей в основе того, что говорит Мертон. Если отложить в сторону историю и традицию, которые Мертон старательно прослеживает, то мистицизм, по его внутреннему убеждению, есть просто единение с Богом, и путь к этому открывают прежде всего благодать и молитва.

Судя по тому, что Мертон пишет в *Семьярусной горе*, его знакомство с настоящим мистицизмом произошло в двадцать два года, когда он прочел *Цели и средства* Олдоса Хаксли – книгу, рекомендованную ему Робертом Лаксом, представление которого о мистицизме и большинство прочих духовных идей были куда проще. До этого Мертон, Лакс и их друзья по университету с недоверием относились даже к самому слову *мистика*, считая, что за ним скрывается какой-то обман. Книга же Хаксли поразила Мертона эрудицией и рассудительностью автора, тем, что тот «широко, глубоко и основательно познакомился с разнообразной христианской и восточной мистической литературой, придя в итоге к поразительной истине, что

все это очень реально и очень серьезно, а вовсе не смесь фантазий, магии и шарлатанства».

Чтобы действительно стать праведным в глазах Бога, утверждал Хаксли, нужно не только перестать использовать дурные средства для достижения хороших целей, но и освободить свой дух от «рабства плоти» с помощью молитвы и аскезы – идея, которая, как показывает Мертон в этих лекциях, проходит красной нитью через всю историю западнохристианской мистической мысли. Однако, если следовать мертоновскому прочтению Хаксли, освобождение от плоти – это только начало: «Освободившись и вернувшись к себе, дух был уже не один – перед ним открывалась возможность встречи с абсолютным и совершенным Духом, Богом. Он мог соединиться с Ним; более того – это единение не было чем-то неопределенным и метафорическим, оно представляло собой действительный опыт».

В этих посвященных идеям Хаксли строчках из ранней автобиографии Мертона легко увидеть зачатки лекций, составляющих эту книгу. Однако Мертон никогда не был тем, кто ищет легких путей к чему бы то ни было или готов заменить собственные искания чужими. В действительности он продолжал испытывать недоверие к понятию мистицизма – и даже к самому слову, которое нередко заменял в своих сочинениях на *созерцание*, хотя и чувствовал, как он неоднократно указывает здесь, что на самом деле созерцание и мистицизм – это не одно и то же. Чтобы разобраться с этим термином, ему пришлось самому основательно изучить имеющуюся литературу. Одно из больших благословений, которые несет нам чтение этих лекций, состоит в возможности увидеть богатство христианской мистической традиции глазами этого выдающегося, вдохновенного исследователя.

Но, разумеется, эта книга больше, чем просто увлекательное исследование; ее цель – более полно раскрыть мистические возможности в нас самих, подготовить нас

к более глубокому опыту Бога. Как предупреждает сам Мертон и как повторяет в своем введении Суини, если мы собираемся предпринять это путешествие, мы должны быть готовы к глубокому и серьезному изменению.

Мертон читал эти лекции начинающим монахам, которые уже вошли в традицию, подчинились духовному наставнику и, покинув мир, оказались в положении маргиналов. Тот, кто вдумчиво читает эту книгу, должен быть готов к подобному, ведь и Мертон был убежден – и это его убеждение с возрастом только укреплялось, – что величайшие Божьи благословения доступны каждому, а не только монахам и монахиням.

Хотя эти лекции изобилуют историческими сведениями и логическими выкладками, цель, к которой они ведут, проста. Такова дихотомия, лежащая в основе христианской мистической традиции: обучение только ради бытия. Как пишет Мертон в очерке «Созерцательная жизнь в современном мире», «созерцательная жизнь – это не просто эстетическая экстраполяция определенных интеллектуальных или догматических принципов, а живое соприкосновение с Бесконечным Источником всякого бытия, соприкосновение не только умов и сердец, не только “Я и Ты”, но и трансцендентное единение сознания, когда человек и Бог, по выражению св. Павла, становятся “одним духом”».

Ранее в том же очерке Мертон пишет: «Необходимо понимать ... что созерцание – это не только углубление опыта, но радикальное изменение нашего бытия и нашей жизни, и суть этого изменения – именно освобождение от зависимости от *внешних средств для достижения внешних целей*».

Однако это не только изменение ради нас самих. Это «освобождение» ведет не просто к чистому бытию – чистому опыту единения с Богом, – но и, как неоднократно говорит Мертон в этих лекциях, к чистой любви. Бог освобождает нас от этого мира, и благодаря этому мы

способны жить в этом мире, не сами по себе, а в единении с Богом, способные любить, как любит Бог.

«Миссия созерцателя в этом мире массового конфликта и коллективного безумия, – пишет Мертон в только что процитированном очерке, – заключается в том, чтобы искать подлинный путь единения и мира, не поддаваясь иллюзии ухода в царство абстракции, из которого неприятные реалии волевым усилием просто исключены. Противостоя миру, придерживающемуся совершенно иной точки зрения, он поддерживает в нем живое присутствие духовного и разумного сознания, которое есть основание подлинного мира и подлинного единения среди людей».

Эти лекции Мертона имеют целью подготовить нас к посылаемому Богом изменению, объясняя, в чем оно состоит и как оно возможно; однако мы должны сами, через молитву и отрешенность, успокоить свой ум. Мы должны открыть свою душу и свое существо. Мы должны вступить в темную ночь, где не на что больше положиться, и ожидать бездонной благодати и любви Божьей.

Майкл Н. Макгрегор

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Когда в декабре 1941 г. уже умудренный жизнью, получивший образование в Кембриджском и Колумбийском университетах Томас Мертон вступил в Гефсиманское аббатство, расположенное в сельском районе штата Кентукки, у него и в мыслях не было, что скоро он станет знаменит. Ему исполнилось почти двадцать семь лет, и он думал, что оставляет желание стать известным писателем и мыслителем за воротами монастыря. Он искренне хотел этого.

Семь лет спустя его автобиография *Семьярусная гора* (которую он начал писать по просьбе своего настоятеля) изменила всё. Написанная человеком, ведущим монашескую жизнь, книга имела огромный коммерческий успех и оказалась в этом отношении беспрецедентной. Очень скоро она стала самой читаемой духовной автобиографией после *Исповеди* св. Августина, написанной за полторы с лишним тысячи лет до нее.

Разумеется, Мертон написал впоследствии много других книг на самые разные темы. У него было также множество друзей из богословских, религиозных, литературных, политических, протестных и творческих кругов, которые посещали его в Кентукки и с которыми он переписывался. Эти два факта, наряду с коммерческим успехом упомянутой автобиографии, привели некоторых к убеждению, что Мертон не был серьезным исследователем католической традиции. Однако это ошибочное мнение. Его знание источников поразительно. Никому из его современников не было присуще столь удивительное сочетание сердечной и интеллектуальной расположенности к мистическому богословию, которую Мертон

реализовывал в течение трех десятилетий – в основном непублично, для своих собратьев-монахов в Гефсиманском аббатстве.

Многие годы он был в аббатстве наставником послушников, то есть проводил лекции (или «собеседования», как их называют в монастырях) для молодых людей, готовящихся принять монашество. Многие из этих лекций были ранее опубликованы в том или ином виде, но не совсем так, как они представлены здесь.

То, что изначально было мертоновскими лекциями по христианской мистике для начинающих монахов-траппистов, здесь, по прошествии более чем полувека, становится лекциями по христианской мистике для всех интересующихся. Это представляется идеальной линией развития данного труда, служившего людям веры в течение полувека после смерти Мертона. Томас Мертон больше, чем кто-либо другой, сделал благословения монашеской жизни доступными тем из нас, кто пребывает вне монастырских стен, кто живет без того каждодневного питания, которое предоставляют обеты послушания, бедности, целомудрия, обращения жизни и постоянства. Эти лекции, возможно, являют собой лучший образец такого благословения.

Многим известно, что в последнее десятилетие своей жизни – 1960-ые годы, когда и читались эти лекции, – Томас Мертон интересовался религиозными традициями Востока, в частности вел обширную переписку с такими людьми, как Д. Т. Судзуки, Далай-лама XIV и Тхить Нят Хань. В этот период он написал несколько популярных книг: *Мудрость пустыни* (1960), *Мудрость Чжуан-цзы* (1965), *Христианские мистики и мастера дзен* (1967)* и *Дзен*

* См. Томас Мертон, *Христианские мистики и учителя дзен*, М.: Энигма, 2018. – Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика.

и голодные птицы (1968)*. Мертон влекла мудрость Востока, и в шестидесятые годы он потратил много времени на ее изучение.

Некоторые ошибочно полагали, что интерес к восточным религиям нанес ущерб собственной католической вере и практике Мертона. После его смерти в 1968 г. (на конференции в Таиланде) ходили даже слухи, что на самом деле он не умер, а лишь сменил траппистские облачения на буддистские.

В действительности же восточная духовность позволила Мертону глубже понять и принять богатство собственной традиции – христианского мистицизма. Именно поэтому эта книга столь значима: она показывает, как самый популярный из католических духовных учителей двадцатого века обнаруживает в христианской традиции то, на что многие христиане не потрудились обратить внимание.

Так, в 1959 г. Мертон начал серьезный диалог с японцем Д. Т. Судзуки. Будучи в 1950-е годы приглашенным профессором в Колумбийском университете, Судзуки сделал больше, чем кто-либо другой, для популяризации дзена в Северной Америке. Идеи Судзуки помогли Мертону диагностировать те духовные проблемы, которые существовали в умах и сердцах верных католиков. Он писал в то время: «Влечение к дзену на Западе отчасти есть здоровая реакция людей, раздраженных наследием четырех столетий картезианства: объективацией понятий, поклонением рефлексивному сознанию, бегством из бытия в вербализм, математику и рационализацию. Из зеркала, в котором “я” обнаруживает само себя, Декарт сделал фетиш. Дзен разбивает это зеркало вдребезги»¹. Иными словами, Восток

* См. частичный рус. пер. в кн.: Дайсэцу Тайтаро Судзуки, *Мистицизм: христианский и буддистский*. Пер. А. Мищенко, Киев: София, 1996, с. 193-283.

¹ Thomas Merton, *Conjectures of a Guilty Bystander*, New York: Doubleday/Image, 1968, p. 285.

вдохновил Мертона тем, что предложил некое лекарство для болезни, которую Мертон уже диагностировал у собственной веры. Дзен также вдохновил Мертона на возвращение к первоисточникам христианства – что, впрочем, всегда было предметом его заботы.

Представленные в этой книге лекции Мертона о христианской мистике были изначально прочитаны в Гефсиманском аббатстве в 1961–1964 годах. Однажды после лауд* Мертон вернулся в свою комнату, размышляя над антифоном: *Audite et intelligite traditiones quas Deus dedit vobis* («Слушайте и разумеите наставления, которые вам дал Бог»). В тот день, 8 марта 1961 г., он написал в своем дневнике: «У нас отсутствует память. ... В утрате созерцания большую роль играет утрата традиции». Это, несомненно, одна из причин, почему Мертон захотел прочесть эти лекции начинающим монахам.

Его размышление над антифоном в тот день не было размышлением монаха, рассматривающего себя как создателя; Мертон думал о христианах повсюду, в монастыре и вне монастыря, – это становится очевидным, как только начинаешь читать эти лекции. Вероятно, у большинства тех, кто возьмет эту книгу в руки, не будет особого опыта жизни в монастыре – разве что им доводилось бывать там с целью кратковременного уединения. Тем не менее каждый должен понимать, что постижение мистических идей для монаха ничуть не легче, чем для того, кто живет обычной, так называемой мирской жизнью. Монахи или миряне, мы все по мере сил стараемся читать и изучать, молиться и размышлять, стремясь понять Бога в этом мире.

* Лауды (лат. *laudes*, «хвалы») – богослужение одного из литургических часов в Католической церкви.

Есть и многое другое, что существенным образом связывает нас сегодняшних с общиной монахов, которые были первыми слушателями этих бесед. Прежде всего, те из нас, кто ведет жизнь веры, сегодня обязательно идут против культуры. В этом мы близки монахам. Мертон однажды определил монаха как «маргинала, который намеренно удаляется к границе общества с целью углубить фундаментальный человеческий опыт». Те из нас, кто находится «в миру», возможно, не удалились из общества намеренно, как те, кто пребывает за монастырскими стенами, однако большую часть времени мы неизбежно находимся у границ и именно там, подобно монахам, углубляем свой опыт.

Однако при этом нужно отдавать себе отчет, что эти *Лекции* – как изначально, так и теперь – исходят из того, что каждый приступающий к ним должен быть готов к большему, чем просто изучение. Мертон предельно ясно говорит об этом в самом начале. В этих лекциях вы постоянно будете что-то изучать и узнавать, однако Мертон не ставит целью сделать этот курс лишь упражнением для ума. Как он говорит в начале лекции 8, после рассмотрения антимиристической и пессимистической позиций Тертуллиана и Иеронима, «Запад ... предрасположен к тому, чтобы смягчать мистицизм, принимая его в разбавленной, более благочестивой форме, или же сводить мистицизм к спекуляции и исследованию».

Одна из причин этой тенденции – сводить мистическое единение с Богом с уровня опытного переживания на уровень благочестивых форм – заключается, вероятно, в опасении оказаться «надутым» ложными мистиками. От полуночного телепроповедника, предлагающего зрителям возложить руки на телевизор и помолиться об исцелении, до кажущихся настоящими гуру, в конечном счете оказывающихся в постели со своими приверженцами, –

все надувают нас, прямо или косвенно. Мы склонны не доверять тем, кто сходу претендует на мантию «мистика».

Именно поэтому изучение всегда представляется более безопасным. Однако, приступая к этим *Лекциям*, мы должны быть готовы не просто «слушать» рассуждения Мертонa о заявленных темах и самостоятельно изучать их. Мы должны быть готовы пережить опыт Бога – сами стать мистиками. Эти *Лекции* задуманы как процесс погружения. Как говорит – несколько угрожающе – наш трапистский наставник в одной из лекций: «Обратите внимание: это не следует воспринимать как рекламу. Мы не *проповедуем* мистицизм. Это не то, чему можно научить, и тем более не то, к чему стоит побуждать».

И, как он указывает в начале лекции 10, говоря о св. Бернарде Клервоском: «Он изучает не мистицизм, а тайну нашего единения с Богом». Это подразумевает, что первое несущественно, по крайней мере, в сравнении со вторым. Именно это он и имеет в виду, говоря, что мистицизму нельзя научить, ведь «мистицизм» – это кабинетное занятие, тогда как единение с Богом есть то, что важнее всего в мире. По сути, оно уводит нас из этого мира.

Но если невозможно убедить стать мистиком (это не «реклама» – соответственно, нам нечего здесь «покупать»), тогда что же нужно делать, чтобы обрести это единение? Ответить на этот вопрос не легко – и попытка сделать это есть цель всего христианского мистицизма, включая эти *Лекции*.

Учителя Мишны (третий век н. э.) учили, что не следует пытаться постичь религиозные тайны ранее достижения сорокалетнего возраста. Об этом упоминается в классическом трактате *Пиркей авот* («Почтения отцов»), где сказано, что изучение Библии следует начинать в пять лет, Мишны – в десять, но изучение бины (*binah*), что означает «глубокое понимание», или мистические истины, – не

раньше сорока. Спустя много столетий это древнее учение подхватили, вновь подтвердив его, каббалисты.

Стоящая за этим идея заключается в том, что, прежде чем пытаться проникнуть в эти глубины, следует освободиться от некоторых вещей, обычно сопровождающих нас до достижения среднего возраста (чрезмерная озабоченность собой, чувственные желания, даже беспокойный период создания семьи и воспитания детей).

Подобные предписания редко встречаются у ранних отцов или матерей церкви, а также у средневековых монашеских и богословских авторов. Даже когда в 1941 г. Мертон поступил в монастырь в возрасте двадцати шести лет, это считалось «поздним призванием». Христианство всегда считало правильным раннее «погружение», при условии следования водительству церкви, участия в таинствах и, возможно, послушания духовному наставнику.

Тем не менее католическая традиция содержит подобные предостережения – надо лишь смотреть и слушать внимательно. Например, в лекции 11 Мертон учит, опираясь на Иоганна Таулера:

Помимо всех прочих обычных форм себялюбия и привязанности, от которых нам нужно очиститься, существует прежде всего своеволие в божественных вещах, «желание исполнения во всем, что Божье, и даже в самом Боге, нашей собственной воли». Это очищение занимает долгое время. Таулер убежден, что тот, кто не достиг сорока лет, не созрел для глубокого созерцания. Это условие не нужно воспринимать как что-то абсолютное, но в нем есть своя истина. Время играет важную роль. Таулер считает период между сорока и пятьюдесятью годами очень важным – идеальным временем для пассивного очищения. «Когда человек молод, ему не следует полностью удаляться в землю созерцания; пока он не достиг зрелости, он может лишь совершать вылазки туда и вновь возвращаться назад».

Здесь содержится также предостережение: не всегда можно в полной мере освоить мистическое богословие,

молитву и все прочее, приближающее к подлинному единению с Богом, если сперва не испытать то отделение от мира, которое происходит, когда, например, монах начинает свой духовный путь в монастыре. В лекции 10, непосредственно перед приведенным отрывком о Таулере, мы встречаем учение Иоанна Кассиана, которое было перенято Бернардом Клервоским и которое, согласно Мертону, характерно для большинства учителей церкви. Оно гласит: «Монах, оставивший мир и очистивший сердце делами “деятельной жизни” (добродетели и самоотвержения), готов к тому, чтобы искать Бога в Писаниях» – или где бы то ни было еще. Это доминирующее представление первых пятнадцати веков христианства. Что оно означает для нас?

Я думаю, оно означает, что мы тоже, если стремимся войти в эти тайны, должны вести жизнь добродетели и самоотвержения. Нам нужно серьезно относиться к мистическому единению, если мы стремимся понять мистицизм, по крайней мере в католическом/христианском контексте.

Поэтому я прошу вас, дорогие читатели, отнестись к совету Мертона со всей серьезностью. Вы увидите этот совет на последующих страницах. Не следует пытаться приближаться к этим глубочайшим тайнам неподготовленными. К таким вещам нельзя подходить легкомысленно и без благоговения. Лучше поступите иначе: отложите чтение этой книги до того момента, когда вы будете готовы позволить тому, с чем вы столкнетесь (или Тому, с кем вы встретитесь) в этих тринадцати лекциях, преобразить саму вашу жизнь.

С этого места всё, что вы прочтете в этих лекциях, за исключением сносок, принадлежит перу и устам Томаса Мертона.

Джон Суини
Пепельная среда, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Руководящий принцип, лежащий в основе всего сказанного здесь, можно выразить словами не-католического автора, в остальном нами не цитируемого и не используемого, а именно Эвелин Андерхилл:

Поскольку суть мистицизма – не учение, а образ жизни, он невозможен без групп людей, реализующих его принципы.

Представление, что мистицизм имеет «принципы», которые можно целенаправленно «реализовывать», может несколько сбивать с толку, однако в любом случае христианская мистическая традиция передается не только ради того, чтобы о ней говорили, но и ради того, чтобы ее *проживали*.

Канун Успения, 1961

ЦЕЛЬ ЭТОГО КУРСА

Цель этих лекций заключается не в том, чтобы подробно и всесторонне рассмотреть заявленную тему, но в том, чтобы взглянуть на нее в целом, упорядочить и углубить те знания об аскетизме, которые каждый из слушателей уже имеет, и связать этот аскетизм с мистической жизнью. Основной задачей будет прояснить роль, которую мистицизм должен играть в нашей жизни. Чтобы монашествующий священник, будущий духовный наставник и настоятель, получил прежде всего правильное общее представление, а затем более глубокое знание церковной традиции и церковного учения, совершенно необходимо, разумеется, основательно познакомить его с великой мистической традицией, которая не отделена от догматической и нравственной традиции, но образует с ней единое целое.

Без мистицизма не бывает подлинного богословия, а без богословия не бывает подлинного мистицизма. Поэтому упор будет делаться на мистицизме как богословии, с тем чтобы выявить мистические аспекты нашего богословия и таким образом помочь нам совершать то, к чему мы действительно призваны: прожить наше богословие. Некоторые думают, что в монастырь поступают лишь для того, чтобы жить по уставу. Однако требуется большее: мы должны прожить наше богословие – в его полноте, глубине, в его целостности. Без этого не бывает

святости. Отделение богословия от «духовности» – это катастрофа.

В этом курсе мы попытаемся также рассмотреть некоторые важнейшие вопросы, возникшие

- * в аскетической жизни и в ее отношении к мистицизму;
- * в самой мистической жизни: конфликты, крайности, ереси, отклонения и нарушение правильного развития.

Нужно осознавать, что мы пережили долгий период одновременно антимистицизма и ложного мистицизма, игравших друг другу на руку. Резко рационалистический характер нашей культуры затронул даже богословов, которые стали стыдиться мистицизма как чего-то «ненаучного». С другой стороны, имел место расцвет безответственности и иллюминатства, рост числа визионеров и т. п.

Далее, однако, курс обратится к великим свидетелям христианской мистической традиции, при этом упор будет делаться на возвращение к патристическим источникам. Мы попытаемся, насколько это будет возможно, рассмотреть (после вводного обзора основ мистицизма в Евангелии св. Иоанна) следующие темы.

1. Великая традиция отцов – истоки христианского мистицизма в богословии и наряду с богословием (они неразделимы); св. Афанасий и Ириней; каппадокийцы, следующие за Оригеном и Климентом, – в особенности Григорий Нисский, отец христианского мистицизма; далее Евагрий и пустынножизненная традиция; Псевдо-Макарий, оказавший огромное влияние на восточную традицию (исихазм); и особенно Псевдо-Дионисий, написавший первый трактат *De Mystica Theologia* [О мистическом богословии] и

положивший (наряду с Григорием Нисским) начало апофатической (темной) традиции, в равной степени значимой для Востока и для Запада.

2. Цистерцианская школа мистиков. За цистерцианской школой следует признать очень значительные достижения в мистическом богословии. Св. Бернард и Гильом из Сен-Тьерри играют особенно важную роль в истории христианского мистицизма.
3. Прослеживая путь апофатической традиции на Запад, мы рассмотрим рост мистического богословия в современном смысле, выделение – в качестве реакции на схоластическую «научную» мысль – особой группы мыслителей и создание ими особого богословия внутренней жизни; затем рейнских мистиков и, далее, то, что ведет к кармелитам; иезуитскую антимистическую реакцию; великих мистиков – св. Терезу и св. Иоанна Креста; квиетистскую ересь.

Мы проследим эту линию мысли вплоть до современной эпохи, когда мистическое богословие все более погружается в застой и становится занятием немногих; коснемся полемики семнадцатого и восемнадцатого веков относительно полуквиетизма, относительно приобретенного и влитого созерцания; это действительно упадок мистицизма, но он обстоятельно рассматривался в двадцатом веке.

После того как мистицизм полностью – или почти полностью – угас в девятнадцатом веке, начинается оживление интереса к нему; толчок этому, очевидно, дали прежде всего не католические и нерелигиозные мыслители – «ученые», представители прагматизма, такие как Уильям Джеймс с его объективным и феноменологическим исследованием *Многообразие религиозного опыта*. Затем отреагировали католики: Пулен – это католический Уильям Джеймс. Однако первым

традиционное представление о созерцании как естественной цели христианской жизни восстанавливает Содро¹.

Если представится возможность, мы могли бы рассмотреть нехристианский «мистицизм» и посмотреть, что он из себя представляет, а также оценить его притязания. Наконец, нам нужно рассмотреть мистическую традицию Восточной церкви со времени прискорбного разделения.

Многое – и очень важное – пришлось, как мы увидим, оставить без внимания.

Различные подходы к предмету

Аскетизм

Здесь мы на относительно простой и знакомой почве. Словарное определение таково:

Аскетический – имеющий отношение к духовным упражнениям, посредством которых можно достичь совершенства и добродетели, например: *аскетическое богословие*.

Аскет – один из тех, кто в древней церкви удалялся в уединение, чтобы упражняться в размышлении и молитве, а также практиковать суровую самодисциплину.

Слово происходит от греческого *askein*: украшать, изготовлять, делать кого-то искусным посредством упраж-

¹ Augustin-François Poulain, SJ, *The Graces of Interior Prayer: A Treatise on Mystical Theology*, trans. Leonora L. Yorke Smith (St. Louis: B. Herder, 1950). Auguste Soudreau, *The Degrees of the Spiritual Life: A Method of Directing Souls according to Their Progress in Virtue*, 2 vols., trans. Dom Bede Camm, OSB (London: Burns, Oates & Washbourne, 1907), затем его же *The Life of Union with God, and the Means of Attaining It: According to the Great Masters of Spirituality*, trans. E. J. Strickland (New York: Benziger, 1927) и др.

нений. (Гомер использует его в значении «создавать произведение искусства».) Им пользовались, говоря о физической культуре, нравственной культуре и, наконец, религиозной подготовке. Если говорить кратко, то оно означает тренировку – духовную тренировку.

Аскеты не только готовились к духовной войне, но и брали на себя обязательство вести ее, публично давая обет совершенного целомудрия. Поэтому аскетическое богословие по сути является для нас просто изучением тренировки – методов и принципов, посредством которых нам следует осуществлять наше публичное посвящение себя Христу и христианскому совершенству. Весь христианский аскетизм подытожен в Мк 8:34: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Отрицательная сторона включает в себя отказ, отречение от себя; положительная сторона состоит в следовании за Христом: развитие в нас жизни Христа, развитие в нас жизни благодати, сотрудничество со Святым Духом, а не подчинение нравственной или аскетической системе.

Крайности, которых следует избегать, таковы:

1. *Расслабленность* – аскетизм должен быть настоящим. Мы не должны питать иллюзий. Если мы просто хотим беззаботности, комфорта, человеческого утешения, ни о какой духовной жизни не может быть и речи.
2. *Пелагианство* – чрезмерное упование на «количественный» аскетизм, на суровость как таковую, как если бы суровость была равнозначна совершенству. Неверно, что «чем более изнуряешь себя, тем более ты совершенен».
3. *Гностицизм* – идея, что в царство мистики мы можем пробиться героическими подвигами аскезы.
4. *Упрощенчество* – сведение всей аскетической жизни к одной добродетели, например «послушанию» или